

Савошко И.В., студ. 415 гр.

Научный руководитель – Ренанский А.Л.

ПЬЕСА А. ЧЕХОВА «ПРЕДЛОЖЕНИЕ»: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

Прежде всего, попытаемся осмыслить парадоксальность традиционного определения жанра этой пьесы. Более ста лет она трактуется и играется исключительно как водевиль, хотя известно, что водевиль это прежде всего короткая пьеса с вокальными и танцевальными номерами. Однако в пьесе Чехова этих главных признаков жанра – нет. Парадоксально и авторское определение этой пьесы: «шутка в одном действии». Шутка, как указано в Словаре русского языка – это некое сообщение «с целью развеселить слушателей» [1, с. 276]. Вряд ли история о несостоявшемся сватовстве двух, уже не молодых людей способна рассмешить нас, а уж самого Чехова тем более.

С понятием «водевиль» обычно связаны достаточно простые, если не сказать элементарные жизненные типы и ситуации, а эпитет «водевильный» характеризует такой же стиль жизни. Как мы увидим, пьеса Чехова достаточно далека и от этих признаков жанра. Начнём наш анализ с выяснения семантики имён персонажей и сопутствующих им авторских ремарок. В пьесе всего три действующих лица: помещик Степан Степанович Чубуков, его дочь Наталья Степановна, и их сосед по имени Иван Васильевич Ломов, который приезжает просить её руки.

Имя Степан Степанович близко гоголевским говорящим именам. Их часто отличает именно признак удвоения: Пётр Петрович, Иван Иванович, Семён Семёнович. Как в математическом символе «х в квадрате» или «у в кубе», здесь подчёркивается избыточность какого-либо одного семантического признака.

Русское имя Степан восходит к древнегреческому «Стефанас», что означает «увенчанный», а «увенчанными» в греческой мифологии были Боги. Но чаще всего такие удвоенные имена выражают идею дурной бесконечности, образ циклического времени, которое лишено развития и проявляется в образах извечной бытийной повторяемости. Такие имена в русской литературе обычно символизируют архаику и изжитость. Фамилия героя отсылает к образу курительной трубки с длинным мундштуком под названием «чубук». Образ персонажа задан в пьесе через характерный для него атрибут. Можно трактовать и его самого как придаток к курительной трубке. Как и курильщики на картинах Сезанна он представляет тип безвольного, пассивного созерцателя. Имя Наталья – самое типичное женское русское имя (в рассказах Толстого из кавказской жизни к примеру, горцы обычно называют всех русских женщин *Наташами*; так же называют в современной Турции и туристок из России). Имя третьего героя – Иван Васильевич Ломов. Его имя и отчество содержит два самых характерных русских имени, причём Иван типичное деревенское имя, а Василий – городское. Фамилия героя относится к классу так называемых "орудийных" фамилий, как например: Топоров, Лопатин, Шилов и символизирует физическую мощь (отсюда выражение «ломовая лошадь», т.е. лошадь, способная к тяжёлым физическим нагрузкам).

Перечень действующих лиц Чехов сопровождает краткими ремарками – указывает возраст героини (25 лет), отмечает, что Ломов – сосед Чубукова (значит их земли граничат) и то, что он здоровый и упитанный, но «очень мнительный» человек. Из этих ремарок следует, что героиня подходит к критическому возрасту для женщин того времени: тогда, как известно, большинство браков совершалось до достижения двадцати лет, а ближе к тридцатилетию женщина воспринималась уже как «старая дева» с очень ограниченными шансами на замужество. Столь же

значимо и указание на мнительность героя. В этом выявляется внутренняя конфликтность Ломова: его характеризует полнота физической природы и определённая ущербность в сфере духовно-душевных проявлений. Это выражается, как указывает Чехов, в его неуверенности в себе и подверженности маниям.

Из первых же реплик Ломова мы понимаем, что он не испытывает к Наталье Степановне ни страсти, ни любви – просто отступить уже некуда, и не жениться никак нельзя. Он сознаёт, что тридцать пять лет «возраст критический», а «если же долго думать, колебаться, много разговаривать да ждать идеала или настоящей любви, то этак никогда не женишься» [2, с. 219]. Именно этот чувственный компромисс, как мы увидим, и определит его будущую, отнюдь не идиллическую семейную жизнь.

Попытка предложения руки и сердца не заладилась у Ломова с самого начала: «...как вы изволите знать, моя земля тесно соприкасается с вашей», – начал он. «Если вы изволите припомнить, мои Воловьи Лужки граничат с вашим березняком». Наталью Степановну это сразу же потрясло: «Виновата, я вас перебую, Вы говорите «мои Воловьи Лужки»... да разве они ваши?» [2, с. 220].

Так, с первых же реплик, героиня создаёт ситуацию абсурда: ведь в случае замужества их земли, в том числе и злосчастные Воловьи Лужки, станут общими. На крики молодых в гостиную входит Чубуков. Но отец семейства не только не устраняет конфликт, но даже повышает его градус: «уж коли на то пошло, милаша моя, ежели вы намерены оспаривать Лужки и прочее, то я скорее подарю их мужикам, чем вам. Так-то!».

Скандал разрастается, и герои доходят до исступления, а недавний жених чувствует себя на грани смерти: «Левая нога отнялась.....ох, сердце! ... в глазах искры, умираю кажется». И лишь после ухода Ломова Наталья Степановна узнаёт, что он приходил просить её руки. Теперь уже

она близка к смерти: «Скорей, скорей! Дурно. Дурно. Вернуть! (*Истерика* – комментирует Чехов) Умираю! Вернуть!» [2, с. 225]. Но и по возвращении Ломова, возникает новый повод для раздора: чья охотничья собака лучше: «наш Откатай или ваш Угадай?».

Новый виток скандала доводит жениха до обморока. Чубуков понимает, что они заигрались, и когда Ломов приходит в себя, он наскоро благословляет молодых: «Женитесь вы поскорей и – ну вас к лепшему!». «Почему люди не могут быть счастливы?» – основной вопрос чеховского творчества. Многие произведения Чехова отвечают на этот вопрос так: потому что в сценариях своих жизней они неизменно сбиваются на водевильный и трагифарсовый жанр.

Свою пьесу «Предложение» Чехов определил как «шутка». И не потому что она о чём-то весёлом (ведь мы становимся свидетелями того, как рушатся судьбы двух молодых людей), а потому, что и Ломов, и Наталья Степановна сами уподобляются шутам. Безрадостен и финал этой пьесы, когда Чубуков пытается как бы загасить шампанским пламя нового скандала.

«Наталья Степановна: Но... всё-таки согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатая.

Ломов: Лучше!

Наталья Степановна: Хуже!

Чубуков: Ну, начинается семейное счастье! Шампанского! (*стараясь перекричать*) Шампанского! Шампанского!» [2, с. 230].

1. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Государственный институт «Советская энциклопедия». Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – 723 с.

2. Чехов, А.П. Сочинения в 4 томах. – Т. 4: Пьесы и водевили / под ред. З.С. Паперного – М. : Правда, 1984. – 576 с.

Савчук А.В., студ. 102 б гр.

Научный руководитель – Мармыш Т.М.

НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Народный танец как феномен культуры связан, прежде всего, с семиосферой народной культуры. Термин «народная культура» сегодня используется наряду с «традиционной художественной культурой» [5], «нематериальным культурным наследием» [4]. Народная культура воплощает собой совокупность практик, накопленных за весь период развития какого-либо этнонационального сообщества. Понятие народной культуры соотносится с категорией «народ», которая в триаде с «этносом» и «нацией» занимает переходную позицию «между».

Основная черта народной культуры – распространенность в широких массах какого-либо народа, что происходит благодаря такому ее качеству, как традиционность. Традиционность народной культуры демонстрируется в различных ее измерениях в диапазоне от семейного уклада до масштабных социальных действий. В данной связи, нужно отметить, что в отношении исполнения элементы народной культуры, как правило, могут иметь индивидуальный, групповой либо массовый характер [3, с. 74].

В народной культуре принято выделять 2 слоя – популярную и фольклорную культуры [3, с. 74]. Популярная культура представляет